

Осенний листочек

Прохожу по аллее своей юности напротив главного корпуса педагогического института. Ветер бережно шелестит осенними листьями, перебирает их. И мои воспоминания тоже. И так же бережно перелистываю я страницы своей памяти...

Солнечный осенний день много лет назад. Первый день занятий в высшем учебном заведении. Мы, вчерашние школьники, выброшенные во взрослую жизнь, о которой не знаем ещё ничего, смотрим на мир и друг на друга восторженными глазами.

В тот день я впервые увидела тебя. Ты был такой солнечный. Солнечный свет шёл, казалось, изнутри. Ты окружён однокурсниками, шутишь, все смеются. Ты всегда любил быть в центре внимания. «Какой красивый мальчик, – думаю я про себя. – Меня такой никогда не полюбит. Это что-то из области фантастики».

Ветер шелестит листочками, они что-то шепчут в ответ. И шепчет мне моя память...

Мы идём в театр. Мой любимый. Драматический. Я выхожу из подъезда. Ты уже ждёшь меня. Я в белом платье, полупрозрачном, лёгком. Ведь лето в разгаре. Серебристые туфли-лодочки на ногах.

Ты улыбаешься. На тебе летние бежевые брюки и рубашка на тон светлее. Этот цвет так оттеняет твои шоколадного цвета глаза и смуглую кожу. А ещё ты взял тогда зонтик. То лето было солнечным, но с грозами и дождиками. Я понимаю: зонтик для меня.

Беру в руки осенний листочек. Ярко-жёлтый. Ажурный. Почти прозрачный.

...Таким же прозрачным был новогодний вечер второго курса. И новогодняя ночь тоже была прозрачной и нежной. Стали мы тогда ближе или дальше, потеряли, обрели ли друг друга... Остался отражённый хрусталиками в стекле окна тот новогодний вечер в нашей с тобой жизни и памяти.

Ты уехал и не простился. Наверное, имел на это право. Наверное...

Моя свадьба. Я счастлива. Невесте ведь положено быть на свадьбе счастливой. Белое платье, фата. Всё как положено. Только тебя нет. Так же как не будет на твоей свадьбе меня.

Мои дети, твои дети. Какое это счастье, что они есть. Вот только наших с тобой общих нет...

А вот какой яркий листочек, красный, с жёлто-золотыми жилками. Таких почти не бывает. Почти из области фантастики. Я поднимаю его, держу в руках.

Мелькает картинка из нереального мира. Я в белом платье, серебристых туфельках, ты в строгом костюме и белой рубашке. Наши глаза сияют. Наши друзья улыбаются нам.

Я отпускаю листочек.

Он летит и смешивается с другими. Должны же быть и такие вот листочки. Нереальные. Из области фантастики.

Рысь

Милицейский уазик катил по просёлочной дороге. Ехали в нём с работы уже ночью два пьяненьких сотрудника – водитель и сельский участковый.

Вдруг – сильный удар. Вышли из машины. А там, на дороге, – рысь. Дохлая. Сбили. Значит – потерпевшая.

Решили чучело сделать. Бросили в машину, в отделение для задержанных.

Едут дальше. Слышат – шум, возня, крики... К чему бы это? Рысь ожила? Так ведь человеческим голосом орать не может.

Остановили машину. Заднюю дверь открыли. А оттуда рысь выскакивает и – в сторону, как ошпаренная.

Следом – чучело не чучело, – мужик. Роба чёрная, волосы дыбом, одежда в клочья. С диким воем – в другую сторону.

Почесали сотруднички в затылках. И вдруг осенило: в «салоне» для задержанных Ванька Чмарь – алкаш местный – вытрезвлялся. Забрали его из дома по просьбе супруги ещё в обед. Он ни папы, ни мамы не помнил, языком не ворочал. Сложили в машину. И благополучно про него забыли.

А рысь-то – возьми и оживи! Во мужик натерпелся!..

Через неделю пришла жена этого Ваньки в отделение.

– Спасибо, – говорит, – родные. Не знаю, чего вы с моим мужем сделали. Но пить он бросил. Даже квас. Пришёл от вас домой весь поцарапанный. Глаза дикие. С тех пор и не пьёт. И по хозяйству мне помогать стал. И даже в церковь ходил.

Прошло лет десять. Но до сего дня Иван Николаевич Чмарёв, бывший Ванька Чмарь, рассказывает о том, как пить когда-то бросил.

– Белая горячка у меня была, – говорит. – Чёрт за мной приходил. Глаза жёлтые. На ушах кисточки. Вцепился в меня и в пекло тащит. Темнота кругом. Жуть. Я вырываюсь. Вдруг – свет. И два архангела мне навстречу. Я от чёрта того вырвался и бежать. С тех пор не пью. Вот только странно: архангелы очень на местных ментов смахивали.

Что рассказывала своим сородичам рысь о встрече с пьяным Ванькой Чмарём – никому не известно. Но тоже, видно, долго его вспоминала. . .

Мимо жизни

Он шёл с работы домой обычной своей дорогой. Мимо старых двухэтажных домов, давно нуждающихся в капитальном ремонте, построенных в далёкие, почти коммунистические времена. Не замечая наступившей весны, нежной майской зелени и уже распустившейся сирени. Он давно не замечал красоты.

Поднял глаза на одно из окон. Опять та же картина. Знакомая и привычная. Хотя – нет, привыкнуть к ней так и не смог. Снова неприятно сжалось сердце. Точно в чём-то виноват. Грязное стекло окна на втором этаже, отсутствие каких-либо штор. На подоконнике две детские фигурки. Мальчик и девочка, так похожие друг на друга, худенькие, белокурые, чумазы, – стоят, прижавшись к оконному стеклу. Смотрят на прохожих, на улицу. Три года и пять лет. Танюшка и Костя.

Он знал эту семью давно. Ещё по предыдущей работе. Родители пьют беспробудно. Все доходы семьи, как правило, случайные, на пропой. Детей трое. Старшая с двенадцати лет на жизнь зарабатывает, торгуя собой. Родительских прав пытались лишить дважды, передавали документы в суд. Однако детей всё же оставили родителям.

Картинка эта – двое малышей у оконного стекла – каждый день у него перед глазами. Когда бы ни проходил мимо, – почти всегда одно и то же. Значит, родителей нет дома, а им просто страшно одним.

...Включил телевизор как обычно, как только зашёл в квартиру. Он не любил тишины. Хотел, чтобы квартиру наполняли хоть какие-то звуки. Чтобы квартира хотя бы казалась жилой. Закурил. Достал из холодильника недопитую со вчерашнего вечера водку.

Вот и ещё один день из его жизни заканчивается. А зачем она нужна ему, эта его жизнь? Часто задумывался о том, что будет, если он умрёт один в квартире. Никто не хватится его неделю, а может быть, две. А потом квартиру вскроют и увидят его, вернее, то, что останется от него. Ему делалось страшно и противно.

Медленно налил водки в стакан, выпил без закуски, стал переключать программы телевизора. Опять перед глазами возникли две хрупкие детские фигурки, держащие друг друга за руки, так жаждущие тепла, любви, заботы. Он отогнал эту картину от себя. Чем он мог помочь? Это была не его жизнь. Чужая. За стенами его квартиры. Он тоже хотел любви, тепла и заботы.

Перед глазами вставали одна за другой картины из его жизни. Девчонка из параллельного класса – с удивительно синими глазами. Он её всегда помнил такой, какой увидел впервые: в короткой школьной форме и колготках «гармошкой». Почему-то эти колготки умиляли.

Армия. Как вернулся домой и, не заходя в квартиру, упал на скамейку возле дома и лежал, вдыхая весну, и вся жизнь была впереди. И свадьба с той самой девчонкой. И рождение сына. И годы оперативной работы.

Воры, проститутки, убийцы. Пьянки, чтобы снять стресс после работы. Скандалы дома. Жена ушла от него три года назад. Банальная история. У неё другой муж, нормальный, который бывает вечерами дома, которого не вызывают на работу по ночам и выходным дням. И у сына давно своя жизнь, в которой ему, отцу, – нет места.

Были какие-то другие женщины и страшная пустота. Полгода назад вышел на пенсию. Пустота стала ещё глубже. Стал подрабатывать. Вечерами пил водку. Задавал себе вопросы: что было не так в жизни? Почему один? Зачем живёт? Засыпал. А дни продолжались, похожие один на другой, продолжались ночи, и продолжались вопросы.

...Во сне он увидел сына. В детстве, лет пяти. Они идут вместе по парку, он держит его руку в своей. А потом снова картинка: грязное оконное стекло, то самое, но только в окно, прижимаясь к стеклу, смотрит его Артём – глазёнками, полными страха.

Он проснулся, потом долго засыпал, спрашивая себя, в чём был не прав. Сын видел его дома редко, чаще пьяным, чем трезвым, уставшим, раздражённым. Ни тепла, ни любви, ни заботы.

Утром долго разглядывал себя в зеркало. Хорош. Мать, любуясь им, часто говорила: «Какой ты красивый у меня». Ростом Бог не обидел, под два метра, плечи широкие, мускулы стальные практически. Располнел немного – это есть. Зато не полысел. Была когда-то копна чёрных кудрей, и теперь – копна, только кудри седые. Глаза карие, взгляд обжигающий, пристальный, а когда – с чертовщинкой, задорный. Посмотреть он умел. Когда-то. Подбородок волевой, нос, можно сказать, римский. И морщин почти нет. На переносице только. «Так себе хлопчик», – говорила жена в шутку.

В дверь позвонили. После дежурства пришли бывшие коллеги. Они у него часто так собирались. Принесли водку и закуску. Снять стресс. Разговор шёл о том, о сём. После третьей рюмки Андрей, так звали одного из пришедших, сказал: «Историйка. Зарезал по пьянке Ванька свою Татьяну, выпивку не поделили».

Почему-то сразу понял – какой Ванька и какую Татьяну.

– А дети-то? – спросил.

– Да при них и зарезал, в больнице они детской пока.

В голове шумело. Не то от водки выпитой, не то от неясной какой-то мысли. Что же сделать? Что? А может?.. Отставил рюмку в сторону.

– Вы сидите, пройдусь я, – и на улицу, бегом почти.

...

Вечер тёплый, осенний. Не темно ещё. Дождик чуть накрапывает. Закурить трудно. Всё же закурил. Посмотрел на окно, то самое, пустое только. Никто к стеклу не прижимается. Бегут по стеклу дождинки. И по лицу тоже.

А была ведь, была же мысль: я никому не нужен, они не нужны. Может, мне нужны? Может, вместе как-то? Может, всё по-другому? Чего испугался? Трудностей? Квартира есть, зарплата тоже. Да и женщину нашёл бы легко. Но ведь чужие же своими не станут?

Достал из кармана чекушку, глотнул хороший глоток водки прямо из горлышка. Да Бог с ней, с жизнью-то!..

А дальше – пустота. В пустоту и шагнул.

